

Дождь усиливался, постепенно превращаясь в настоящий ливень. Вода срывалась с карнизов, вычерчивая в воздухе изящные дуги. Внезапно поднялся ветер, пронесся по длинной галерее, и пропитанный влагой воздух пришел в движение.

Су Хан опустил взгляд на свои забрызганные дождем брюки и края ботинок. Он прикурил сигарету, которую держал в зубах.

— Так ты, выходит, собираешься меня проводить? — спросил он у юноши.

Тот помедлил, но все же кивнул.

Су Хан затянулся, выдохнул облако белого дыма и понимающе улыбнулся:

— Забудь. Ты ведь все равно не знаешь дороги.

Он собирался позвонить, чтобы его забрали — дождь и правда разыгрался не на шутку. Однако, не успев поднять руку, он почувствовал, что кто-то тянет его за рукав. Су Хан скосил глаза: юноша по-прежнему не отпускал его.

— Разве ты не знаешь дорогу?

Услышав этот вопрос, Су Хан издал короткое «ха?», наклонился и, прищурившись, приблизился к юноше. Его узкие, с легким налетом порочности глаза оказались совсем близко.

— С чего ты взял, что я ее знаю? — проговорил он с улыбкой. — Я же только что сказал, что я здесь гость.

— Ты в очень хороших отношениях с моим прадедом, — тихо ответил юноша.

Су Хан выпрямился, едва заметно вскинув бровь, и оставил слова без ответа. Пепел от сигареты упал на одежду юноши, и Су Хан, подняв руку, аккуратно стряхнул его. Затем он забрал у парня зонт. Одной рукой он придерживал сигарету, поэтому не мог приобнять юношу за плечи, и ему пришлось жестом пригласить того идти рядом.

— Держись ближе, а то промокнешь до нитки.

Су Хан сказал это, но юноша не отозвался и ближе не пододвинулся — между ними оставалось расстояние в два кулака.

Поместье Хэ представляло собой лабиринт из двориков и бесконечных извилистых галерей, где даже мусорного ведра было не найти. Су Хан, теряя терпение, затушил сигарету о цветочную

клумбу и, положив руку на плечо юноши, притянул его к себе. Левое плечо парня почти полностью промокло.

К его удивлению, юноша не стал сопротивляться и позволил себя обнять.

Дождь лил как из ведра, зонт почти не спасал — прикрывал только голову, а брюки снизу вымокли насквозь. Они шли по каменной дорожке, довольно быстро, но конца пути все не было видно. Юноша не удержался и спросил:

— Почему так долго?

Су Хан и сам хотел поворнуть на то, что в поместье Хэ построили виллу именно так — разбросали корпуса по разным углам, словно между ними целые горы, — но, увидев нахмуренные брови юноши, вдруг решил подшутить. Его губы тронула едва уловимая улыбка, в которой не было привычной мягкости, скорее — некая бесшабашность.

— Вот именно поэтому я и говорю: такие красивые дети, как ты, легче всего поддаются на обман. Не боишься, что я заведу тебя в безлюдный переулок и сделаю что-нибудь плохое?

Юноша молчал.

— О! — Су Хан изобразил просветление. — Похоже, не боишься.

— Я... я вообще-то парень.

Неужели его задело именно это? Су Хан не смог сдержать смеха. Он прикрыл рот рукой, сотрясаясь от хохота:

— Пф-ха-ха-ха... Малыш, ну как можно быть таким забавным? Ха-ха...

Лицо юноши стало холодным, а голос — ледяным:

— Тебе так смешно?

Су Хан облизнул губы. Не смешно, нет, совсем не смешно. Он изо всех сил старался сдержаться, но в уголках глаз все еще искрилось веселье, а щеки слегка порозовели, словно их коснулись румянами.

Глядя на серьезного, как статуя, юношу, Су Хан решил, что хватит дразнить ребенка. Он повел его вперед, мимо темных каменных стен, и наконец они нашли небольшой дворик, спрятанный в густой листве раскидистых деревьев.

— И правда далеко, да и дорогу найти непросто, — сказал Су Хан, останавливаясь у входа. Он сложил зонт и стряхнул капли. Крупные дождевые капли с грохотом разбивались о колонны крыльца, а вдалеке все казалось размытым, словно мираж.

— Кстати, — Су Хан посмотрел на юношу, — малыш, ты здесь переждешь, пока дождь стихнет, или пойдешь сейчас? Если не пойдешь сейчас, скоро стемнеет.

Вопрос был самым обычным, но в сочетании с насмешливым взглядом и недавними словами он приобрел двусмысленный оттенок.

— Почему ты все время называешь меня малышом?

— Я спрашиваю твое имя, а ты не говоришь. Как мне тебя еще называть?

Юноша опустил глаза. С того ракурса, где стоял Су Хан, было видно, как длинные ресницы отбрасывают тень на полуприкрытые веки. Но вдруг, когда он поднял взгляд, в его холодном, лишенном эмоций лице промелькнула невыразимая мягкость. Су Хан на мгновение потерял дар речи.

— Спроси еще раз, — тихо сказал юноша. — Спроси еще раз, и я скажу, как меня зовут.

Надо же, какой принципиальный. Су Хан не считал это обременительным и послушно повторил:

— Малыш, как тебя зовут?

Юноша, казалось, хотел улыбнуться — уголки его губ едва заметно дрогнули, — но это было почти незаметно.

— Ци. Хэ Ци.

Тон был приподнятым, и это изменение по сравнению с его прежней манерой речи было очень заметно. Су Хан снова почувствовал зуд в языке. Он нахмурился и пробормотал:

— Ци? Какой именно Ци? — и, не дожидаясь ответа, добавил: — Как в слове жена?

У юноши по имени Хэ Ци, до этого хранившего невозмутимый вид, внезапно покраснели уши. Он замялся:

— Нет... не этот иероглиф. Хэ Ци! Ци как в слове отдых! Вот этот.

Глупый, подумал Су Хан и, не удержавшись, потрепал его по волосам.

— Хорошо, я понял. Малыш, ты не идешь?

— Почему ты опять называешь меня малышом?

— Просто так. Мне нравится тебя так называть.

— Оу.

— Не идешь? — снова спросил Су Хан.

Хэ Ци выглядел недовольным:

— Почему ты так хочешь, чтобы я ушел?

— А что мне еще делать? Хотеть, чтобы ты остался и я сделал тебе что-нибудь плохое?

Как только эти слова сорвались с губ, Хэ Ци, у которого до этого краснели только уши, вспыхнул весь, до самых корней волос. Не говоря ни слова, он схватил зонт, который Су Хан оставил стекать у колонны, и бросился в дождь, не оглядываясь.

Су Хан смотрел на его поспешные шаги, и уголки его губ снова поползли вверх. Он коснулся пальцами переносицы:

— Надо же, у Хэ Чжу вырос такой красивый ребенок.

Вспомнив, как он только что дразнил этого красивого мальчишку, он тихо выругал себя:

— Старый развратник, да и только!

В девять вечера принесли ужин. Су Хан часто здесь бывал, персонал его знал, и он был в курсе местного распорядка. Однако он не ожидал, что Хэ Ци придет вместе с кухонным работником.

— Сегодня планировалось собрание, приехало много людей, там так шумно, мне не нравится, — сказал Хэ Ци.

Су Хан приподнял бровь: этот ребенок стал говорить куда естественнее, без прежней ледяной отчужденности. Он поманил его рукой:

— Ладно, поел? Иди сюда, поужинаем вместе.

Хэ Ци не стал церемониться и действительно сел ужинать с Су Ханом.

Когда разносчик ушел, Су Хан спросил:

— На улице уже темно, не боишься возвращаться один?

Хэ Ци посмотрел на него с холодным выражением лица:

— А чего бояться?

Понятно, значит, не боится.

После ужина Су Хан собирался зайти в игру, чтобы подзаработать золота. Хэ Ци, увидев это, заинтересовался и заглянул через плечо:

— Это что такое?

— Игра. Малышам лучше не смотреть, на учебу влияет.

— Я очень умный, — голос Хэ Ци звучал с присущей подросткам чистотой и легкой гордостью. Су Хану это показалось приятным.

Однако слова юноши вызвали у него лишь усмешку. Какой самовлюбленный!

— Твой ум и внешние факторы — это разные вещи, понимаешь?

— Я знаю, что мне нужно делать, и ничто не сможет на меня повлиять.

— М? — Су Хан удивился. Его что, только что поучил ребенок? — И что же ты собираешься делать? Играть?

— Нет, не буду. Я не люблю игры, просто любопытно стало, когда увидел, как ты играешь.

— Знаешь, что любопытство сгубило кошку?

Хэ Ци недоуменно посмотрел на него:

— Я не кошка.

Су Хан не стал спорить. Впрочем, особого желания играть у него уже не было — эту игру разрабатывали люди семьи Лэй, он лишь владел частью акций, так что вникать в детали не требовалось. Просто иногда нужно было зайти как игроку, чтобы помочь студии с анализом ощущений.

Видя, что он не двигается, Хэ Ци спросил:

— Больше не будешь?

— Нет, я собираюсь отдохнуть.

— Оу, — глухо отозвался Хэ Ци. — Тогда я пойду. — Сказав это, он действительно ушел.

Как только Хэ Ци скрылся, Су Хан уставился в экран компьютера. Он думал о том, почему этот мальчик вызывает такое странное чувство жалости. Родители ушли, его только что привезли в это место, друзей нет — должно быть, ему очень одиноко.

Су Хан пожалел, что не дал ему посмотреть игру: раз уж ребенку было любопытно, стоило позволить.

Он выключил компьютер, поднялся, но юноша, который только что собирался уйти, внезапно стоял в дверях и смотрел на него.

Су Хан взъерошил волосы:

— Что такое?

— Я... — Хэ Ци прикусил нижнюю губу. — Я... я боюсь темноты. Ты не мог бы меня проводить?

Боится темноты? А кто только что говорил, что не боится?

Мальчишка выглядел как заносчивый ребенок. Су Хан не хотел припоминать ему его же слова, но не удержался от того, чтобы подразнить:

— Назови меня дядей, и я тебя провожу.

Су Хан был одного возраста с Хэ Чжу, так что по статусу это было вполне уместно.

— Брат, ты не мог бы меня проводить?

— Я же просил назвать меня дядей, нет?

— Брат звучит как-то моложе, — Хэ Ци опустил голову и пробормотал: — К тому же ты совсем не похож на моего дядю. И вообще, как ты можешь меня упрекать? Я ведь сказал тебе свое имя, а ты все равно продолжаешь называть меня малышом.

Разве это одно и то же? Ты так называешь меня, чтобы не путать поколения? Су Хан хотел было его отчитать, но, взглянув на тихо стоящего в дверях Хэ Ци, почувствовал, как сердце смягчилось. Ладно, «брат» так «брат», в конце концов, он ничего не теряет.

— Ладно, пошли. — Су Хан поднялся, накинул на плечи Хэ Ци куртку и похлопал его по спине.
— Провожу тебя, трусишка.

— Ты опять называешь меня малышом?

— Нельзя?

Хэ Ци опустил ресницы:

— Можно... наверное.

Его голос звучал неожиданно мягко. Су Хан опешил: днем он был таким холодным, почему сейчас стал таким податливым?

— Так можно или нет?

— Можно... можешь так называть.

Су Хан не удержался:

— Только мне можно?

— Больше никто меня так не называет.

Су Хан улыбнулся, промолчал, обнял его за плечи и повел вперед.